

Литературно-краеведческая газета
Нерехтская
Лира № 2 (23)
март
2014

Навстречу 800-летию Нерехты

Весна! И хотя погода этой зимы и наступивший март мало чем отличаются, но пришло ощущение весеннего пробуждения. Может, это праздник в начале месяца повлиял на настроение? Согласитесь, что только раз в году можно увидеть столько мужчин с цветами в руке. А вы заметили, что лица их в эти моменты меняются, становятся приветливыми, готовыми к улыбке. Вот так бы всегда...

«Идёт весна! Весне дорогу!»

Думается, что неслучайно именно в марте, 21-го, Всемирный День поэзии. Поэзия – это самое яркое проявление красоты языка. К сожалению, не каждый может стать поэтом, но ещё горше, что не каждый способен наслаждаться изяществом стихотворной речи.

Почитайте стихи и почувствуете, что «жизнь измеряется не количеством вдохов и выдохов, а числом мгновений, от которых перехватывало дыхание» (Елена Малышева, ведущая телепрограммы «Здоровье»).

Весенний вальс Шопена

Казалось бы, всё выглядит реально:
Весне уже не скрыть свои черты,
Но почему-то в зеркале печальном
Лишь отражение несбыточной мечты?..

Как будто песня снова не допета,
Иль не досказан вычурный куплет,
Как будто в сон бессмысленный одеты
Земля и небо, и застыл рассвет?..

И мы с тобой, увы, давно не вместе,
Не пенится игристое вино...
Я знаю, мир порой бывает тесен,
Но сердцу отчего-то всё равно...

Быть может, мысли стали вдвое строже,
Безжалостнее, как в немом кино,
И новый день опять сомненья множит,
И на душе, и пусто, и темно?..

И стрелки на часах вздыхают метко.
Вечерний луч зари давно погас...
А за стеной девочка-соседка
Играет вновь Шопена вешний вальс!

И я, невольно вслушиваясь в звуки,
Почувствовав свободу, ожила!
К весне опять протягиваю руки -
В ней столько жизни, солнца и тепла!

Евгения
Ревакова

Сердце просит утешенья...

Поговори со мной, пока душа поёт.

Она жива, ждёт умиротворенья,

Пока ещё не заковало в лёд

Моих желанья, помыслы, движенья.

Поговори, со мной пока огонь горит

В делах, решеньях быть неутомимой,

Пока надежды луч ещё парит

Любить тебя и быть тобой любимой...

Поговори, пусть краток будет речи миг,

Как вещий сон, принёсший вдруг виденье,

Пока час равнодушья не настиг,

А сердце бьётся, просит утешенья!..

Бесценно в жизни каждое мгновенье

Посейте семена, цветы взрастите,
Вкрапите в них луч солнца и тепла
И те ростки терпеньем наделите,
Чтоб в их цветенье истина жила.

Пусть те цветы влекут благоговенье*
Природы всей живое естество
И дарят человеку вдохновенье,
И порождают с благостью* родство,

Чтоб укротить неистовость волненья,
Когда обидой застилает ум,
Нахлынувший порыв души кипенья,
И сердца стук от безутешных дум.

Вдохните аромат, ведь нет дороже
Остановить гнетущую волну —
Терпение на ангела похоже,
И всё подвластно кроткому ему!..

Бесценно в жизни каждое мгновенье,
Порой не разрешить поступков ряд...
Как трудно быть собой, и нет спасенья,
Когда вокруг лишь фальшь и маскарад!..

Евгения Ревакова

благоговенье* - глубочайшее уважение, почтение к кому-либо или к чему-либо,
благость* - доброта, милосердие

Анатолий Зубов

Что такое счастье?

Есть ли счастье на земле, я о том не знаю.
Если есть оно, как птица, по небу летает.
Его сразу не поймать, не достать рукою.
Его просто не видать, а мне нет покою.

Побегу я по лугам, крикну: «Где ты, счастье?»
Мне б чужого не поймать, то есть не украдь бы.
Я чужого не хочу, мне его не надо.
Зря цветы не оборвут из чужого сада.

Счастье – это не цветы, не вино, не сладость.
Счастье – это только ты, с кем жить мне в радость.
Есть ли счастье на земле, я о том не знаю.
Если рядом нет тебя, я всегда страдаю.

Девчонкам

Девчонки, милые, простите.
Прошу, не ставьте нам в вину...
Скажите, если захотите,
Мы звезд вам купим не одну.

Мы вас так любим, уважаем,
От всех несчастий бережём.
Как МЧС вас охраняем,
Как «Беркут» строго стережём.

Для нас всегда вы идеалы
И воспитатели детей.
Всегда во всем вы тоже правы,
Не жить без ваших нам идей.

Спасибо, что вы есть на свете!
Иначе все мы пропадем,
И кто нам в спальню путь осветит,
Когда мы ночью спать пойдём.

Мы любим вас и обожаем,
И вы любите нас, мы не возражаем.

Александр Кузнецов

Хоть нет войны, давно не сорок первый,
У нас не смыло, как в Китае, рис,
Родня твердит и капает на нервы,
Чтоб с осени картошкой запаслись.

Укроп я посадил, четыре грядки
Моркови, лука, пот бежит с лица.
Со свёклой и хреном всё в порядке,
Да, этой песне, видно, нет конца.

Так каждый год с мечтой об урожае
Всё лето бегаем по грядкам, как грачи.
Рассаду всю, что есть пересажаем.
А осенью себя зауважаем
За урожай, за то, что есть харчи.

Умру – лопату положите рядом.
Наверно, это не запрет.
А вдруг и там копают грядки,
Помочь попросят, а лопаты нет.

Весна

Друзья, готовьте спины и лопаты.
Пришла весна, и нас не удержать.
На землю мы напали, как пираты,
Чтоб вновь копать, всё сеять и сажать.

Посадим синеглазку и голландку.
Кто с осени разжился луговской.
Посадим и, проснувшись спозаранку,
Осмотрим сад свой с грустью и тоской.

Нам мало соток (их опять укали).
Хоть лом в спине, в глазах горит азарт.
Земли б побольше – всю бы запахали.
Ну, дайте хоть гектар – я буду рад!

Елена Матвеева

Пугало Рассказ

Евдокия набралась духа и доплелась до окна. Присела на табурет и, расплюшив нос и упираясь очками о стекло, стала смотреть на улицу, которая была пуста, и она с детской радостью проводила глазами случайного прохожего. Спина затекла, глаза заслезились, и она с горем пополам возвратилась на диван. Щелкнула выключателем и только после этого в темноте сняла очки, положила их на тумбочку. Впереди была ночь, но она не боялась её, вспоминала прошлую жизнь, дополняя картинами из памяти и собственными стихами.

Ночь тягучими темными каплями

Уходит прочь, как вода в песок,
Швыряет песчинками, словно камнями,
Хоть бы уснуть на часок.

Нет, не уснуть. Вздохнула: "А Женя, бывало, только голову на подушку... Эх, Женя-Женечка, мог бы ещё и пожить".

...Ласточки кричали весну, гремели грозы, цвёл июнь, заливал зноем июль, а она, будто во сне... Только Женечка, только он занимал всю душу и сердце.

Жили по-соседству. Когда Женю призвали служить, он ещё не был её Женечкой. Чуть ли не дядей Женей для неё, веснушчатой Дуньки, был. Пели, кричали, плясали проводы. Она в стайке подружек стояла в сторонке, наблюшая всю эту кутерьму. Проходя мимо, он щелкнул её по носу:

— Ну что, курносая? Будешь меня ждать?

Она и не поняла, что он сказал. Только краской вся залилась, да на глазах слезы выступили. И... и стала ждать, не доверив эту тайну даже лучшей подружке Наде. Она не знала, чего она ждала, потому не было ни тоски, ни нетерпения. Только образ Жени вызывал приятную и сладкую грустинку. Дуня взрослая.

Появился Женя шумно. С грохотом и пиканьем промчался по улице на мотоциклах с друзьями. Дуня, увидев его, подумать-то ничего не успела, но, когда вся кавалькада скрылась из вида, неожиданно заплакала. Она столько раз представляла встречу. Он спросит, ну что, мол, курносая, ждала ли меня. Она ответит, да, мол, а вот и ждала.

Евдокия, повозившись на постели, села. Диван натужно заскрипел, и она в очередной раз подумала, что ещё хоть кто-то «живой» есть в комнате. Включила свет, смерила взглядом расстояние до окна - нет, не добраться. Вздохнула, обвела комнату глазами, взгляд уперся в стену. Там в синей рамке улыбался Женечка, уже третий год улыбался со стены. Снова вздохнула:

— Простить бы надо было...

...Дотошная соседка однажды крикнула:

— Дуня, ты чего с книжкой да с книжкой? Подружка твоя, вон, даром время не теряет. С Женкой Звягинцевым, как это у вас называется, кадрится!

Затаилась в душе обида с горечью пополам.

Уехала учиться. Женя девок хороводил, а она над учебниками сидела.

Ох и нахлебалась тогда её подушка слёз. Наслушались березы, что на косогоре у реки ровными свечками стоят, её печалей. Любила там бывать. Рассказывать Женечке, как же любит она его. Березки качались, листиками шелестели: жди... жди... жди...

Дождалась. Пришел в холодный осенний день. Красивый, улыбчивый, в синей рубашке, дождём пахнул. Рубашку ту злополучную долго хранила... К тому успел жениться, развестись. Ей по ту пору тридцать минуто, а в сердце остуда прижилась. Любовь свою несчастливую слезами источила. Думала, что так. Ах, нет. Как стал на пороге, похолодела, ослабла, отворотиться не смогла. Другим днем к ней жить пришёл. Жалеет ли об этом? Может и надо бы — не получается.

Евдокия откинулась на подушку. Не идёт сон. Как же это она Сашеньке-то пела:

— Ходит сон близ окон.

Ходит дрёма возле дома.

И глядят, все ли спят

...В студенческие годы жила с ней в комнате Светлана. Не скажешь, что красавица, но парнями крутила, как хотела. И накрутила на последнем курсе голубоглазого Сашеньку. Пропадала ночами его непутёвая мамаша, а он с ней, с Дуней, оставался. И не горевал несмышленыш. Её за мамку принимал. Работать по окончании учебы поехала Евдокия в небольшой сибирский городок. Едва устроилась, Светлана приехала, как оказалось, Сашеньку привезла. День побыла, говорила мало, глаза отводила, а вечером по городу прогуляться ушла. Да где-то до сих пор и гуляет. Записку оставила, я, мол, заберу непременно сыночка своего. А рядом в кулечке колечко да сережки оставила. С себя сняла непутёвая. И отдала Евдокия всё неизрасходованное тепло души и сердца Сашеньке.

Евдокия чертила глазами незамысловатые фигуры на потолке. Подумала:

— Завтра какой день? Вроде суббота. Сашенька завтра позвонит. Всегда по субботам звонит. Уговаривает к нему перебраться. Да только не хочет она. Чего мешаться-то, вот уж заложит совсем когда... Тыфу, чего по ночи в голову не взбредёт.

...Остался Женечка у неё. Лёгко остался, с ухмылкой, с уверенностью, что по-другому быть и не могло. Небось подумал, что рада-радёшенька с пригульным дитятком к мужику прислониться. Постель стелить, а сынок с рук не сходит, словно учゅял, что с мамкой теперь чужой дядька рядом будет. Пришлось к соседке отвести. До сих пор неловкость свою помнит, жалко было да только на минутку. Другое занимало, не знала она мужских рук. Хотела, но не смогла сказать и об этом, и о Сашеньке. Раскиселилась, всплакнула даже от его ласк. Позже напугался почему-то Женечка. Слово взяла не говорить никому про Сашеньку.

За окном залаяла собака, значит два часа. Сосед своего Графа выпускал только по ночам. А тот нашёл лазейку и непременно прибегал в её огород яблони метить. Евдокия спустила ноги, встала у дивана. Лёжа животом на тумбочке, упервшись на подоконник, высматривала собаку в фиолетовых сумерках. Граф стоял против окна и, как показалось Евдокии, смотрел на неё. Усмехнулась:

— Что, псины, и ты не волен себе. Сейчас опять в доме запрут. Ну, хоть в тепле.

Присела на диван. Поспать бы, забыться бы. Заплакала, но тут же успокоилась. Плакать, а зачем? Не все ли равно, когда ей спать: что день, что ночь, все для неё едино. А бывало, ждала ночки... Да, ждала, да недолго. Больше приходилось ждать Женечку по ночам-то. Когда же все началось?

...Был жаркий июль. Окна и двери были распахнуты. Жарило нещадно, а Евдокии ехать в областную больницу на обследование. Уж очень хотелось родить Женечке сыночка, а все не получалось. Надела сарафан, и, спрятав кусу под соломенную шляпку, уже намеревалась выйти из дома, как с улицы позвала подруга Надя:

— Дусь! Дуся, где ты есть? Выди скорее!

Выбежала:

— Случилось что?

Надя затараторила:

— Иди, твой-то с Иркой на берегу в обнимочку, глазки её нацеловывает. Иди, они меня не видели, успеешь, застукаешь.

Побежала. Застукала. И что? Я, грит, соринку из глаза у неё языком доставал. А как вдвоем у реки оказались, упустил. Не спросила, оробела, не хотела услышать правду. В первый раз тогда достала ночью из комода рубаху его синюю, в какой к ней пришёл в ту дождливую ночь. Зарылась лицом да завыла. Сколько раз потом так было, не счесть.

"Эх, Женя-Женечка! Ни я, ни Сашенька не нужны были тебе, легкости искал в жизни, потому совсем не горчался, что деток Бог не давал", — с укоризной качала головой.

До Евдокии дошло, что плачет. «Ну, совсем разнюнилась. Не век же сиднем сидеть буду. Вот гипс, уж, сняли. Расхожусь помаленьку» — успокоила себя.

Беда подстерегла Евдокию в собственном огороде. Не поняла даже за что и запнулась. Как гипс наложили и до того, как немного приступать стала, ухаживала за ней соседка Нина.

(Продолжение на странице 4)

(Начало на странице 3)

Евдокия бесконечно ей благодарна. Знает, что одинокая соседка о новой стиральной машине мечтает, да только с пенсии ей не купить. А они с Сашенькой договорились уже, что сделают соседке такой подарок.

...В тот август солнце напоследок палило так, что ребятишки обгорали, как в мае. Бабы вставали до зари, чтобы по прохладе заниматься урожаем. Повсюду пахло укропными огурчиками, яблоками, сливами и грибами. Евдокия Сашеньку отвела к подруге и уговаривала мужа заняться огурцами. Уговорила. Ей же надо было ехать в больницу, где окончательно станет известно будет или нет у них сынок. Евдокия очень хотела сына. В своих ночных мечтаниях, когда Женечка пропадал «на работе», она наряжала сынка в матроску и, держа за ручку, горделиво шла вдоль улицы. Люди улыбались и говорили, что такого красивого, чудесного, замечательного мальчика свет ещё не видывал.

Пробыла в больнице пять дней, а пролетели, как один. На шестой — вызвали в ordinаторскую. Врач без обиняков, глядя в глаза, изрёк, подглядывая её имя в медицинской карте: «У вас эээ... Евдокия, к сожалению, детей быть не может». Потом, увидев, как она изменилась в лице, добавил: «Вы не отчайвайтесь. Вот все документы. Сохраните. Медицина на месте не стоит. Кто знает... Кто знает...» Она добралась до парка, присела на лавочку. Долго не могла ни о чём думать, звонкий молоточек стучал по вискам: «Не может! Не может! Не может!» Потом взахлёб до икания рыдала. Когда успокоилась, навалился ужас. Как сказать мужу? Не сможет она Женечку сделать счастливым. Что же она за никчемная баба такая! Да ей Женечке руки надо целовать, что живёт с ней.

И принялась Евдокия с новой силой любить мужа. Вставала ни свет ни заря, и пироги его любимые с капустой и сладкие ватрушки теперь на столе каждый день были, а не только по выходным и праздникам. Женечка щеголял в свежих рубашках, сладко ел и сладко спал и совершенно не замечал старания жены. Почти каждый вечер придумывал ночную работу, а потом и вовсе не стал придумывать, а просто уходил. Доставались и Евдокии его ласки. И тогда мужу оставалось удивляться на неё. Она такой страстью одаривала его, что он потом долго белел зубами в темноте в самодовольной улыбке. Конечно, он всё приписывал своему непревзойдённому таланту завоёывать женщин.

Глубоко запрятала обиду и горечь на судьбину свою. Не роптала. Никому не жаловалась. Сашенька радовал. Да и муж в общем-то не обижал. Если б не одно, стали поговаривать, что скоро сын у него народится. Проговорился как-то в бане мужикам. Поглядывали на живот Евдокии, но шли дни, он как был плоским, таким и оставался. И стали гадать, кто именно осчастливит его. Знали, что не к одной Женечка заглядывал на огонёк. Евдокия, как очумелая, шарахалась от баб, которые с притворной участливой ноткой в голосе пытались услужливо донести сплетни. Придуманный ею спокойный мир рассыпался. Снова металась по ночам, хватаясь за капли, с утра не могла встать, и потом видела кислую физиономию мужа, когда не было уже привычных пирогов и ватрушек на столе.

В одну из ночей решила выследить, куда же свернёт Женечка, в чью дверь постучится. Был январь, нещадно морозило, ночи были светлыми, и она решилась. Легла пораньше прямо в одежду, оставалось только накинуть полушубок, платок да надеть валенки. Лежала и тайком наблюдала, как муж собирается. Перед дверью оглянулся. Она быстро смыкала веки, но в душе, сама того не ожидала, потеплело. Поглядел, стало быть не совсем безразлична ему. Ей хватило бы этой малости, чтобы не идти за ним. Но скорее по привычке, доделывать задуманное до конца, выскошла, одеваясь на ходу. Спина мужа маячила далеко впереди. Короткими перебежками, прячась то за столбом, то за углом проследовала за ним до конца деревни. Остановилась в замешательстве. Здесь молодухи не проживали. Справа в доме жил столетний дед Василий с престарелой дочерью. Слева — вдовий Илья с пятью сыновьями. Дальше по улице дорога вниз через овраг. Хоть её и не видно сверху, но Евдокия знала, что внизу она раздваивается. Вправо ведёт дальше по улице. Влево — к реке, где можно короче пройти в нижний город. Пока размышляла упустила из виду мужа. Чуть не заплакала от огорчения, как увидела, что идёт он по замерзшей реке. «Куда это он», — растерянно подумала. И обомлела от догадки: «Там, за рекой и

живет его ухажерка. А значит она никогда не узнает, кто это такая».

Их городок делился на две части — верхний и нижний, что за рекой. Городом считался нижний. Там сносились деревянные дома и строились многоэтажки. Вместо парикмахерских появлялись салоны красоты. Вместо универмагов и универсалов — супермаркеты. Мигали светофоры и рекламные щиты. Теперь с верхнего ходили за покупками туда, так и говорили: «Пошли в город».

Удивительно, но слёз не было. Отстранённо думала:

— Вон какой колотун на улице-то. Сесть в сугроб под куст да и всё. Не заметишь, как и замерзнешь. Никто и не вспомнит. Матери с отцом нет давно. А Женечка? Наверное, обрадуется. Руки развязу ему. То-то радости и его зазнобе будет»

Вдруг спохватилась:

— А Сашенька? Он же один останется. Ищи его непутёвую мамашу! Никто и искать не станет!

Дома поставила кашню, до утра ещё успеет взойти. Да и просидела за столом, пока не услышала под окнами скрипучие шаги. Она засуетилась у печи, будто только что поднялась. В морозной свежести, внесённой Женечкой, витали незнакомые запахи. Евдокии стало дурно и она судорожно вздохнула. Муж удивлённо на неё посмотрел и, приподняв бровь, — ах, как она любила, когда он так делал — спросил:

— Дусь, вроде следы до нас. Приходил кто?

— Соседка с вечера была, — проговорила испуганно, обомлев.

— Вроде до реки и обратно.

— Почем мне знать, может кто и ходил. Спала я.

— Да? Ну-ну,

Евдокию переполнило чувство благодарности к мужу. Все понял, но ничего не сказал. Понемногу в сердце всё улеглось. Только подруга Надежда душу теребила:

— И не тошно тебе? Ну что ты за дурочка? Чего ради на свет родилась? Чтобы Женечке своему житьё разлюбезное устроить? А ты? А о себе?

Молчала Евдокия. Что тут скажешь?

К великолюбу удивлению Евдокии, муж по вечерам не стал уходить из дома. Она расцвела. Улыбка не сходила с её лица, запрятала куда подальше затрапезные халаты и встречала своего Женечку в нарядных платьцах. Пусть простеных, но сшитых с надеждой, что муж будет ею любовался. Косы укладывала короной, как всегда нравилось ему. Смотрели по вечерам телевизор, играли в карты. Она часто давала ему выигрывать, чтобы видеть довольную улыбку победителя. Иногда приезжал Сашенька, заваливал их подарками. В эти дни было шумно, суетливо, радостно. Муж с Сашенькой что-то делали по хозяйству. Евдокия лепила пельмени, пекла пироги, наливалась по рюмочке и угощала своих любимых мужчин за обедом. Ох, если бы всегда так было...

Евдокия любила утро. Утренние звуки, ароматы свежезаваренного чая или кофе. Момент, когда раздвигаются шторы и солнце врывается в комнату. Сегодня утро застало Евдокию сидящей на диване. Нашарила за тумбочкой трость, поднялась и, грубо опираясь, двинулась на кухню. Она, конечно, рисковала, но твёрдо решила, что будет тренировать ногу. И ничего, добралась-таки до кухни. Передохнула на табурете, поставила чайник и стала ждать. С минуты на минуту должна прийти соседка. У Евдокии ёкало в груди. Она радостно думала: «Вот обрадуется Нина, когда увидит, что я уже не в постели. Надоело, поди, за мной ходить. Пусть теперь разок проведает посреди дня и всё. Бог даст, расхожусь помаленьку».

Нина может и обрадовалась, но виду не подала.

— Дусь, а поесть ты как сегодня? Сама сварганишь али мне? — спросила она, — некогда мне сегодня.

— Сама попробую.

— Сваргани быстренько лапшички. А?

— Сваргани, сваргани. Ты не беспокойся.

— Чуть позднее я проведу тебя. А, Дусь?

— Иди уже. Говорю, ведь, не беспокойся.

Нина ещё к двери шла, как позвонил Сашенька. Прижал трубку к уху, Евдокия радостно погрузилась в милый сердцу разговор.

Ближе к вечеру загрустила. Прилегла в надежде подремать, но не тут-то было. Поплакала.

А Женечка всё улыбался со стены...

(Продолжение на странице 5)

(Начало на странице 3)

...Муж ночами не исчезал. Затихли разговоры. Вроде бы всё стало хорошо, но Евдокия постоянно чувствовала внутреннее беспокойство. «Что-то должно случится. Что-то уж больно гладко у нас получается. Не зря же люди говорят, что большой лад на большую безладицу», - думала она.

И случилось. Ароматным снегом сыпал май, пели любовь соловьи, когда однажды Женечка ночью, будучи уверенными, что она спит, тихонько выскоцила из дома. Не спала, смотрела вовсю, а сказать ничего не смогла, слов не нашлось. Поняла - закончились её счастье.

Не пришёл Женечка ни на другой, ни на третий, ни на пятый день. Сидела Евдокия на крыльце, выла да скучила по-собачьи, уткнувшись в ту злополучную синюю рубашку. Еле отыскала её. Спрятала, думала, что не случится достать её снова.

А весна-то..! А яблони-то цветли..! А аромат-то черёмуховый..! Душа замирала, сердце слезами захлёбывалось.

Пришёл Женечка в душный июльский вечер. Не шевельнулась, но глаза ожили. Похудела, осунулась, не узнать. Взглянул, то ли жалостливо, то ли с досадой поморщился. Собрал вещи. Метнулась, из рук вырвала рубашку синюю, бросила на диван и усилась на неё. Настиавать не стал, усмехнулся только. Евдокия ненавидела себя в эту минуту, хотелось швырнуть рубашку ему в лицо, да не смогла. В дверях замялся: «Не кори себя. Ты не при чём. Сын там. Мой. Понимаешь? — (А не твоё уже это дело, понимаю или нет) — Дом на тебя перепишу. Живи». И ушёл. Слёзы, горечь, вопли в горле склокотали, но сдерживалась. Зачем? Теперь все ночи, злущие от одиночества, её, тольковой.

Евдокия присела на диване. Даже сейчас, вспоминая, так крепко скимала зубы, что свело скульы. Уставилась на портрет мужа. С укоризной произнесла: «Эх ты, Женечка».

Простить бы надо было...

...Не знала, не надеялась, что переживёт. Смогла. Сашенька помогал уже своим существованием. В работу ушла с головой, домой приходила, едва себя к ночи прибрать успевала, падала в постель. Спала до полуночи, а там снова до утра жила в той жизни, где был её Женечка.

Евдокия взяла трость и поковыляла на кухню. «Пока туда иду, пока — обратно, да чай пока пью. Всё забудусь», - думала она. Заварила чай, добралась до стула у окна, расплескав половину чашки. На улице видимо потеплело, потому что окно было талое. Против окна ребятня лепила снеговика. Понаоблучала за ними, но отвлечься не удавалось: «Ушёл Женечка тогда в ночь на целых семь лет. Как жила без него, уже и не помню... Жила как-то».

...Всё Евдокия помнила. Лукавила перед собой. Как ушёл муж, года три сама не своя ходила. Как-то в зимний вечер постучалась к ней родственница. Без обиняков приступила к делу. Так, мол, и так, приглянулась ты мужичку хорошему. Деловитому да серьёзному. Чего, мол, на корню сохнешь, когда муж твой живёт да радуется. Мужичок этот вдовий, хоть завтра либо он к тебе, либо ты к нему. Замахала руками на сваху, до того мысль нелепой показалась. А та твердит, что нечего махать руками, обдумай до выходного дня, а там они и приложают. И с тем ушла. И начала Евдокия кроить и перекраивать свою жизнь. Измучилась вся, но решила, что надо попробовать. Мужичок по иронии судьбы тоже Евгением оказался, только Николаевичем. Усмехнулась тогда про себя горько: «Никак не спутаешь имя».

Николаич оказался хорошим человеком, но тихим и спокойным «до неприличия». Говорил тихо, ступал неслышно. Его присутствие замечала Евдокия только тогда, когда обнаруживала, что ножка у стула не качается, кран не течет, котёл в бане сам собой наполнился водой. Её поначалу это раздражало, потом свыклась. Но не прикрепила сердцем к чужому человеку, так в душевном одиночестве и прожила почти четыре года. Николаича всё устраивало, что мимолётной улыбкой да немногими словами он и доказывал.

Евдокия всегда боялась гроз. Однажды летом после жаркого дня разразилась сильная гроза. Освещало и гремело беспрерывно. Евдокия в испуге жалась к Николаичу, а он только и сказал: «Маленькая что ли. Спи. Скоро кончится гроза». Что тогда произошло с ней, сама не понимала. Про грозу забыла, выскочила на улицу, встала под ливнем. Ветер рвал мокрый

подол, лепил волосы к лицу, а она плакала, смеялась и злилась. На себя, на судьбу свою. Несуразная она баба, никому нет до неё дела. А Николаич даже не вышел. То ли всё равно ему было, то ли испугался её такой. Неведомо. Но для себя Евдокия всё решила. Поклонилась в пояс: «Прости ты меня, Николаич, ради Христа. Не могу я больше. Съезжай от меня».

Вздохнула с облегчением. За долгие годы себя счастливой почувствовала. В доме обои светлые поклеила. Шторы весёленькие повесила. Сама похорошела, повеселела. На работе люди диву даются, бабы при хорошем мужике расцветают, а эта наоборот. И, как пчёлы на мёд, женихи прилетали. Веселилась Евдокия, но никого не выбирала.

Однажды в грозу провода оборвало. Сидит Евдокия за столом при свете керосиновой лампы и слышит, что дверь открывается. Хорошо помнила, что запирала. Только один человек мог своим ключом отомкнуть. Сердце вскочило пустилось от догадки. Шагнула навстречу, упала в его руки, как в яму, только услышала: «Это я, Дуся». Много Женечка не говорил. «Истосковался я. К тебе пришёл». — «Надолго ли?». — «Совсем. Примешь ли?». — «Оставайся». Рубашку синюю истерзанную, залитую слезами быстро спрятала, чтобы не видеть её окаянную.

Ребятня с улицы разбежалась, оставив одиноко стоять снеговика без лица. Зреши жутковатое. Евдокия подумала, что исправила бы, если бы могла. Но подбежал парнишка и приладил нос из моркови. Безглазое, безротое существо с оранжевым носом веселее не стало. С досадой поднялась и поковыляла обратно на диван. И только, когда надо было преодолеть порожек, поняла, что без трости, чему даже обрадовалась. Примостилась снова на диване, который даже видеть уже не могла. «Вот и я тоже с носом осталась, таким же безликим, одиноким существом», - жалостливо подумала о себе. А Женечка всё улыбался на стене.

Простить бы надо было...

Евдокия не спрашивала, почему вернулся Женечка. Верила, хотела верить, что и впрямь истосковался по ней. Только однажды спросила:

— А как же сын?

— Вырастет, поймёт.

— Поймёт, а простит ли? — ничего не ответил. С ней же стал более ласков, нежен, внимателен. Идёт с работы, ветку черёмухи или сирени несёт. То духи, то шарфик купит с зарплаты. Раньше такого не делал. Как многие дарил цветы к дню рождения да на 8 марта. Как-то вечером постучали. Женечка вышел. Евдокия увидела в окошко, что разговаривает с незнакомой женщиной. Было видно, что плачет она. Женечка вскоре вошёл, отводя взгляд, сказал, что ему надо уйти, утром придёт. Не почувствовала беду, не задержала, подумала, что может с его сыном что-то случилось.

Бесконечно долгих два месяца ждала Евдокия. А когда пришёл Женечка, поняла, что нет того счастья, нет той радости от встречи, что раньше была. Даже рада была, что ничего не объяснял. В ту ночь спать ушла на диван. Не дрогнуло сердце, когда позвал. Притворилась спящей. И потекли дни за днями, недели за неделями. Спокойно, без душевых тревог, правда и без душевного тепла тоже. А это и было сегодняшним счастьем Евдокии, потому что истерзалась, исстрадалась она за всю-то жизнь со своим Женечкой.

Евдокия прикрыла глаза, словно боялась того, что сейчас дальше вспомнится. Вздохнув, спросила у портрета: «Скажи мне, Женечка, за что ты так со мной? Сколько лет не только голова, но и душа склонялась ниц перед тобой. Молчишь?»

...Захворала она тогда, да так, что пришлось лечь в больницу. Как же тяжело ей было. Как она нуждалась в Женечкиной поддержке. Первую неделю приходил каждый день. Присядет на кровать, чистит апельсин и по долечке в рот ей кладёт. Млела от гордости за него и светилась от счастья. Через неделю пропал и больше ни разу не пришёл. Ждать перестала сразу, в душе пусто сделалось.

Вернувшись домой, выбросила супружескую кровать. Всю-то ночь просидела на крыльце, теребила рубашку ненавистную, орошая злыми слезами. На себя злилась. Душа металась, а вдруг придёт, а она снова пустит и ничего не спросит. Кто подскажет? Кто научит? Само собой всё решилось. Идет с

(Продолжение на странице 6)

(Начало на странице 3)

работы, а он с мужиками стоит посреди улицы. Остановилась. Видит, что под хмельком её Женечка. Залыбился, по хозяйски хлопнул по спине. Пошла дальше, а он кричит: «Самовар ставь. Сейчас буду!». Вбежала в дом, ничего не видит перед собой, хотя глаза сухими были. Заметалась по комнатам, вещи Женечкины в узлы вяжет, с крыльца выкидывает да бормочет, как в горячке: «Всё, Женечка! Всё! Не будешь! И плакать не стану. Попробуй жить без меня». Евдокии мало этого показалось. Схватила рубаху

горемычную, выбежала на улицу. Шарит глазами, не знает, чего и придумать. Взгляд пугало выхватил в огороде. Вот оно! Ткань трещала, когда в рубашку пугало обряжалась.

С тех самых пор не видела Женечку. Помер когда, портрет на стенку повесила.

Простить бы надо было... При жизни...

Елена Матвеева

Валентина Назарова

О чём вештать поэту,
Когда спустился мрак?
Когда давно воспеты
И мудрый и чудак!
Когда давно воспеты
Все звёзды до него,
Когда его куплеты
Не стоят ничего!
Стихов большая груда,
Но люди в темноте
Читать стихи не будут,
Ни эти, и ни те!
А он поёт фальцетом
Он призывает свет...
К чему винить за это?!

На то он и поэт!
А он поёт отважно
И в непогодь, и в зной.
И это очень важно,
Для жизни, для земной!

Придут другие времена,
Другими будут люди,
Но мы посеем семена
Для тех, грядущих судеб.
А мы напишем полотно
Благословенной кистью,
И пусть рассыплется оно,
Как прах осенних листвьев.
И верно опустеет дом,
Когда вдруг нас не будет,
Но нынче не грусти о том,
Что кто-то нас осудит!
И я гордячкою слыву,
Но снятся ночью звуки...
А ты уедешь за Неву -
Полшага до разлуки.
Но разведённые мосты
Сомкнутся рукавами,
Останусь я, уедешь ты,
А муз - между нами!

Ничего мне не надоно кроме
Твоих тёплых натуженных рук,
Потому что со мною ты скромен,
Потому что ты добрый мой друг.
Оттого и верна той привычке,
Приглушая будильника звон,
Не скрипеть, проходя половичкой,
Охраняя предутренний сон.
Оттого за закрытою дверью
Я молитву наверх возношу,
Оттого я так искренне верю,
Оттого и у Бога прошу:
Не того, чтоб быть мне красивой,
Со стихом уноситься в астрал,
А того, чтобы все были живы
И никто бы не умирал.
Видишь, как я тебе пригодилась!
Хоть не краше других, не святей,
Лишь молюсь, чтобы счастье гнездилось
В доме, нами рождённых, детей.
Пусть наш мир будет чист и укромен,
Скромный быт - тишина и покой,
Ничего мне не надоно кроме,
Чтобы жизнь была наша такой!

Евгения Николаева

В моей провинции суровой
Идут дожди, хлопочет вечер.
А где-то путь отнюдь не ровный
Упрямо держит человечек.

Мой мир своей печали верен,
Задёрнул на ночь в окнах шторы.
А этот кто-то во вселенной
Один бросает вызов шторму.

О чём-то тихо шепчет ветер
Продрогшему от ночи скверу.
А в дом, от яркой лампы светлый,
Вдруг робкий стук раздался в двери.

И всё: мир, ветер, сквер и вечер –
Застыли, больше нет здесь тайны,
Благословили нашу тайну,
Не зная, как сюжет банален.

В моей провинции суровой
Идут дожди, хлопочет вечер,
Но приоткрыты в окнах шторы -
Мир ожидает чуда встречи.

Галина Макарова

(Первая публикация)

Почти всё мое дошкольное детство прошло в деревне Клетино Марьинского сельского совета. Воспоминания детства точечные, но яркие, при этом не только образные, но и ощутимо чувственные. Маленький домик с кустами сирени под окнами; две большие липы, между которыми папа устроил нам с сестрой качели. Чудесный пруд с мосточками, где приятно посидеть летом, опустив в воду ноги. Крутая гора Шихарда, на которую ребятня бегала летом за спелой черёмухой и с которой зимой каталась на санках и железных самокатах. Детские радости и огорчения... и, конечно же, Нерехта.

Нерехта казалась мне тогда каким-то волшебным местом, где было много чудесных вещей и где жила сказка... Я не была в Нерехте, но моя тётя Лида, Лидия Семёновна, одна из старших сестёр отца, жила там. Когда она приезжала, часто привозила красивые жестяные коробочки, в которых, как драгоценные камушки, лежали разноцветные леденцы с волшебным названием «монпасье». Когда нужно было купить какую-то серёзную и необходимую вещь, взрослые говорили: «Надо съездить в Нерехту». Казалось, там, в Нерехте, есть всё, что душа пожелает. А детская душа желала сказок!

Помню, как выбегала за околицу и с горы смотрела вдаль – туда, за убегающую вниз дорогу, вглубь простирающегося лесного массива. Где-то и там была Нерехта. Её нельзя было увидеть днём, но когда начинали спускать сумерки и в городе зажигались огни, на фоне тёмного пространства, лежащего внизу, обозначалось таинственно мерцающее и притягивающее место. Смело оттуда отец привозил долгожданные удивительные сказки, русские народные, волшебные, сказки народов мира. Какая радость была слушать их, а потом рисовать сказочные места и сказочных героев!

1960 год. Сегодня мне исполняется 6 лет. В самый день моего рождения мы переезжаем в Нерехту. Вот готов грузовик, в который погружены вещи. День хороший, тёплый летний. Двойное щемящее чувство в душе: мне так жаль покидать родное место, своих друзей, но меня тянет и в Нерехту. Какой будет она, моя детская сказка? Примет ли она меня? Узнаю ли, приму ли её я?

Километры летели быстро. Вот и Нерехта. В ней всё не так, как в моей деревне. Здесь много улиц, много домов. Дома не только деревянные, но и каменные, даже в два этажа. Вот бы пожить в таком доме на втором этаже. Ура! Наша комната в коммунальной квартире именно на втором этаже. Какое большое окно, какие высокие потолки, как всё светло! Мы знакомимся с нашими соседями Грудановыми дядей Пашей и тётей Варей, которые показывают нам кухню. Это что-то нереальное: большая плита с конфорками, а главное - вода, прямо в квартире, теперь за ней не надо будет идти далеко на колодец, не надо зимой долбить быстро растущую наледь. А ещё у нас есть ванна – это ли не чудо?! Оказывается, дрова для титана рубить не надо, есть смешные деревянные штучки, которые взрослые называют «чурками» и которые вполне можно приспособить для какой-нибудь игры. Это ли не сказка?!

Мы размещаемся, устраиваемся, ужинаем на новом месте, рассказываем о своих впечатлениях и ложимся спать. Каждый думает о своём. А я засыпаю с уверенностью в том, что обязательно увижу ещё много интересного. Так оно и случилось. Меня удивляла мостовая, выложенная бульяжником, широкая площадь с каменными рядами и памятником дедушке Ленину, высокая-превысокая колокольня, изумительно вкусное мороженое, мячики-попрыгунчики на резиновой ниточке, парк со сценой, фонтан в саду текстильщиков... Всего не перечесть. Но главное, ощущение чего-то родного, чистого и доброго. Я приняла этот город. Нерехта приняла меня.

Надо сказать, что была одна вещь, которая не очень вписывалась в сказочный город. Это церкви, обезглавленные и обшарпанные, от которых исходила какая-то боль. И только одна Крестовоздвиженская церковь на краю города была цела и приведена в порядок. Я сначала думала, что всё дело в пожаре, который, наверное, был в городе, но не задел её окраины. Люди выстроились, а вот до храмов руки не дошли. Я хорошо помнила разрушенную пожаром церковь в селе Есипово и её печальный силуэт, на котором всякий раз останавливался взгляд, если выйти за деревенские дворы и посмотреть на гору, где просторно располагалось село.

Я как-то спросила тёту Лиду о храмах. Она ответила, что дело вовсе не в пожаре, а в людях, которые считают, что Бога нет, а церкви – место поклонения Богу, поэтому их разрушают или приспособливают подо что-то. Но я не унималась, говорила, что было бы лучше, если бы церкви не портили внешний вид. Какая была бы сказка, если бы возвышались купола с золотыми крестами! Тётя согласилась со мной и добавила, что, когда подрасту, всё пойму.

Я росла, училась, была пионеркой, комсомолкой, узнала «почему да как», но ничто меня не убеждало в том, что город без церквей лучше. Когда я окончила Костромской педагогический институт и приехала работать в Нерехту, судьба меня свела со многими замечательными, интересными и неравнодушными к городу людьми. Среди них были директор краеведческого музея Нина Петровна Родионова и учитель рисования, увлекающейся фотографией, Вячеслав Иванович Дубов.

На одной из музейных выставок я увидела фотографии старой Нерехты. Какая красота, какое величие! Я была очарована архитектурой храмов, их внешним убранством, представляя, как же чудесно должно было быть внутри. Мне тут же вспомнился второй мой нерехтский дом – знаменитый «носок» в центре города, кинотеатр, который располагался во Владимирском храме. Когда открылся новый кинотеатр, детвора стремилась проникнуть внутрь храма, чтобы увидеть фрески, удивительные и притягивающие. От восхищения мы замирали в тишине, а потом, возвращаясь домой, тихо обсуждали увиденное.

У Н.П.Родионовой я попросила снимки с музейной выставки. Она любезно предоставила мне копии, а В.И.Дубов сделал фотографии. А ещё Нина Петровна дала мне почитать труд краеведа Михаила Яковлевича Диева «Город Нерехта в 18 веке и в первой половине 19 века», фрагменты которого, отснятые Вячеславом Ивановичем, хранятся у меня и сейчас. Впоследствии все эти материалы мне очень пригодились в работе.

Когда в восьмидесятых годах прошлого века начались реставрационные работы на храмах, так хотелось, чтобы они шли быстрее. Помню, как я прикладывала, проходя мимо Никольской церкви, сколько должно пройти лет, чтобы увидеть Нерехту такой, какая она была запечатлена на старинных фотографиях, со всеми восстановленными храмами. Реставрация шла медленно, и результаты моих подсчетов вызывали сожаление и печаль.

Время шло, и несмотря ни на что детская желанная, сказочная Нерехта с куполами и золочёными крестами обретала свои черты. Я не представляла, до какой степени трудно и драматично шли реставрационные работы, пока не прочитала книгу Н.П.Родионовой «Реставрация души. Восстановление памяти».

Я вижу, как хорошеет мой город, готовясь к 800-летнему юбилею, но многое ещё предстоит сделать. Чистота и красота моего города зависит от нас, живущих на его улицах.

Уже давно нет дома в Клетино, где я родилась, нет там моих родственников, но моя малая родина со мной. Это город, в котором я живу, потому что он был со мной всегда.

Теперь с деревенской оконицы можно увидеть ещё больше нерехтских мерцающих огоньков. Как знать, может, какая-то маленькая девочка, как я когда-то, глядя на них, думает, что здесь живёт сказка.

Трекедня, давеча и намедни

Из языкового обихода моей семьи

Бабушка моя Агнюша (неродная — родная бабушка умерла за 6 лет до моего рождения) была родом из Рамешек. Фамилия её девичья Иванова. В каком возрасте она переехала жить в Нерехту, мне неизвестно, но её язык, а вернее, состав её словаря, порою сильно отличался от словаря моих родителей. —

Они-то родились и выросли в Нерехте. В детстве я не понимала значения некоторых бабушкиных слов, а спросить почему-то было недосуг.

Баба Агнюша часто повторяла: ужо, трекедня, нонче. Подсознательно мне было понятно, что это временные определения, но значения открылись только когда стала взрослой. Никто не объяснял. Само стало понятно. Ужо — это к вечеру, вечером; трекедня — третьего дня, т.е. позавчера, а нонче и так понятно. Запомнившаяся фраза «Щей трекенешных хошь?». А вот дед говорил «шти». Вместо «што» произносил «что». Думаю, что это следствие того, что мальчиком он алтарничал во Владимирской церкви. А в церковно-славянском языке это местоимение произносится так, как пишется. Да и многие другие слова, например: сердце, солнце и т.п.

Ещё в бабушкином обиходе были слова: тёмно, тёмно да рассвело, топерь или топерича, ковда, ну-ко! Пекла она обалденные пироги, особенно ватрушки — их она называла куженьки. Она говорила: завтрик, завтрикать. Чугун-от отдайко (отдовинь). Отдайса — отойди. «Вот ужо растворю — напёку пирогов». Одним из любимых моих блюд был яблонщик. Картофельное пюре, запечённое в печи, позднее — в духовке. Почему же яблонщик из картошки? Да потому, что картофель раньше на Руси называли яблоками. Так же она готовила и пшённую кашу на молоке. Молоко нам носила из Рамешек тетя Ката, её сноха, в стеклянных четвертях — бутылях на два или три литра. Первое блюдо бабушка называла варево. «Ёму моя-ту стряпня понравилась». Когда она затруднялась

ответить на вопрос, говорила: «Ой, дура, не знаю». Её характерные словечки: характер, кто, вверху, мнучка, кажной день, намедни, тешша, яшшик, дедушко, мальчишко, ребёнок, даве, давеча.

Много общего в словаре и в произношении у бабы Агнюши было с моей бабушкой по маме — бабой Полей. Она говорила «Скушно!» — Это совсем не то, что вы думаете. Это означало «вкусно». А скучать у неё было: скучниться. Окутайся одеялом — обыгнись, обогнись. Корни бабушки Поли в Ярославской области (жал, не знаю, где точно). Детство её прошло в Якушовке, замуж вышла в Нерехту. А основной словарный запас, конечно же, всегда из детства. К сожалению, с бабушкой Полей я общалась значительно меньше. У неё всегда стояли кадки с мочёной брусникой и яблоками. Я не понимала их вкуса, но каждый раз хотелось попробовать — очень уж красиво они выглядели. Она постоянно шила лоскутные одеяла из «лентей» — так она называла лоскутки.

Получается, что все члены моей семьи говорили на разных диалектах, но это никогда не вызывало непонимания и недоразумений.

Папа семь лет служил во флоте. А словечки профессионального диалекта сложно исключить из речи. Но плохих слов он не произносил никогда, хотя рассказывал, что при определенных обстоятельствах даже высокие чины ругались, как сапожники.

Почему-то очень ярко запомнился эпизод. Пришёл к нам выпивший сосед, Иван Захарыч. Бросил у порога свою фуфайку, приземлился на неё и изрёк: «Палундра! На полураке кильку рвут!». Я почему-то смеялась весь вечер.

Добро

Когда-то в старом русском алфавите —
Почти в начале — буковка жила
В одежде, ясной всем, кому хотите,
Под именем согласья и добра.

С тех пор его мы очень почитаем,
Соизмеряем с ним дела свои,
И души русские, как знаем,
Распахнуты сочувствию, любви.

Но вдруг настали времена иные,
Пришло понятье, сходное едва,
Его порой не узнаём отныне
Под милой маскою того ж добра.

И стали добреньких кой-где, увлёкшиесь,
За добрых принимать во всех делах,
И лишь потом, как будто спохватившись,
Кричим: «Ну кто же думал! Вот те ах!»

Для добреньких частенько — хата с краю,
Не выставят и наглеца за дверь,
И правды слышать не всегда желают,
И биться за неё, уж ты поверь.

Вот «добренький» и «равнодушный». Сходны?
Какие, вроде, разные слова!
По сути же они не антиподы,
И жизнь, мне думается, здесь права!

Февраль 2014

Альбина
Павлова

«Нерехтская Лира»

(литературно-краеведческая газета)

выходит 1 раз в месяц, с января 2012 г.,
на благотворительные пожертвования читателей.

Тираж 100 экземпляров.

Подбор литературного материала осуществляется
членами литературного объединения «Лира».

Ответственный за выпуск: И.К.Лешкова.

Верстка: Межпоселенческая библиотека им.М.Я.Диева

Распространяется через библиотеки города

Нерехты и из рук в руки.

Отзывы и корреспонденцию направлять по адресу:

г.Нерехта, ул.Ленина, д.28 "А",

Межпоселенческая библиотека им.М.Я.Диева.

Тел.: 75-3-78, 7-44-07 (И.К. Лешкова)